

СЕГОДНЯ КУЙБЫШЕВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ ИМЕНИ М. ГОРЬКО ОТКРЫВАЕТ ОЧЕРЕДНОЙ СЕЗОН. ЛЕТОМ ТЕАТР ГАСТРОЛИРОВАЛ В МНН-СКЕ. О ТОМ, КАКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОСТАВИЛИ ВЫСТУПЛЕНИЯ КУЙБЫШЕВЦЕВ, —

ЗАМЕТКИ КОРРЕСПОНДЕНТА БЕЛОРУССКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ ЮНОСТИ» ЛИЛИИ БРАНДОВСКОЙ.

САМОЕ сильное и прочное впечатление от гастролей куйбышевского театра — его актеры. Было бы ханжеском утверждать, что это, мол, «первая заповедь» театра — через актеров повседневно зрителям о проблемах и заботах сегодняшнего дня. Верно, первая заповедь, но ведь ли в всегда ли исполняемая? Мало ли мы видели спектаклей, где «самовыражаются» все — режиссер, художник, композитор, только не актер, ставший уже не душою, а функцией спектакля.

В Куйбышеве же, судя по всему, существует непрерываемая установка на актера — он первая фигура в театре, он, она, они определяют формирование репертуара: если вы в первые несколько дней гастролей не успели познакомиться с кем-то из интересующих вас актеров, можно быть уверенным, что это случится непременно в последующие дни.

Пожалуй, совсем не много трупп, где можно было бы увидеть столько ярких актеров, которые за время гастролей не только подарили нам драгоценные минуты радости, но и наверняка надолго останутся в памяти.

...Николай Кузьмин в «Ретро». Пьеса А. Галина затронула проблемы людей на склонах дней, непростые отношения, возникающие между теми, кто сегодня молод и силен, и стариками. Только прикоснувшись к одному срезу, не погружаясь в глубины психологии, не претендуя на широту обобщения. Пьеса грешит неточным решением характеристик, хлесткостью реплик, «магнитофонным» многословием. Но... в ней есть что играть, есть во что вложить пропущенное, выстраданное, подсмотренное. И старый крошечник Чмутин — Кузьмин, и его милые «сестры» — отставная балерина Роза Александровна — В. Ершова, Нина Ивановна — В. Менчерикина, Дана Владимировна — В. Долматова — такие знакомые в своих чудачествах и слабостях, предстают перед нами во всей душевной высоте, бескорыстии и беззащитности старости.

Безвременно ушедший молодой куйбышевский режиссер Сергей Надеждин оставил после себя светлый, человечный спектакль, где отвергаются черствость, душевная глухота и прагматизм.

А нежность и сострадание отдаешь им, старшим, «Ретро» — не nostalgia по романтическим модам, а обиды за порой забываемые нами ценности — духовность, доверчивость, нерас-

четливое участие. Может быть, такая обиды и есть залог их неустойчивости? Можно поверить в это, увидя, как бунтует старик, как от одиночества и тоски в ухомном гнездышке новорожденного немланом тускнеет его глаза. Можно, кажется, на ощупь почувствовать и чувство вины. Простое сильное иногда то человека — бурный, размахивая, в полный голос, сменяется горной, тихой молбой: «Отправьте меня в деревню...». Рядом с недавно еще не знакомыми женщинами он почувствует под-

прислушивается Антипа к себе, как к ящику, вдруг зазвучавшему музыкой... Но пробудившееся для любви сердце оказалось и беззащитным: сильный, горячий человек купил Антипа Зыкова умрет, раздвинувший любовь...

Любит отца подавленный, быстро срывающийся, никчемный Михаил Зыков. О. Бычков увидел в Михаиле какую-то тайную точку, будоражащую перзатдапность. Он, безвольный, восхищен силой и волей отца, шедро дарит ему, сам не понимая размеров своего дара, прощение и любовь...

В СПЕКТАКЛЯХ куйбышевского театра нам часто не хватает законченности построения; все объединяющей «идеи». Я не имею в виду — общности стилистики, но в пределах спектакля хотелось бы ощутить

правое на место в жизненном пиру, вдруг приоткростся нам искаженной всеобщим потоками дельской, научной лишь светским мансрам... Ее понятия о морали перевернуты. Разве в том ее вина, что она верно следует им? Получая жестокий урок, она пряд ли чему добруму научится, может, подождет «своего времени» и одним махом разделается со всеми...

Романченко не настаивает на этом своем прогнозе, но поспешное согласие Лидии на все условия оставляет нам свободу предположить, как сложится ее жизнь? Какого бы рода, ни играл И. Морозов — каждый раз кажется, что это — счастливое попадание. Касьян в «Уставших шлемоносцах», и Шохин в «Зыновках», и вот Василий в «Бешеных деньгах» — все попадание! Мгний, любящий — и жесткий, непринятый Васильков — это вам не Антипа Зыков, он не умрет от любви, но что-

МЫ НЕ ПРОЩАЕМСЯ...

линное духовное родство и раскрывается. Куда денется угрюмость, медвежья неуклюжесть, взгляд, изпод лба... Светлая улыбка, мягкий голос, тихая поступь — хороший, славный, умный человек, таких называют «самостоятельным». И горное решение покинуть ставшую ему чужой дочь он не перепахивает на чьи-то плечи — сам тихо уйдет...

А рядом с Кузьминым появляется В. Ершова — Роза Александровна, диаволичное создание. Мало приспособленная к жизни, состарившаяся на сцене балерина, беспомощная к жизни, но деликатная, привыкшая «держат спину» и сохраняла на лице улыбку, как бы печально ни было на душе. Маленький спектакль судьбы, который она сыграла, на минуту по-актерски поверия в «предгазанные обстоятельства», окончился, она очнется, подыметсся и с печальным достоинством с смешной и прелестью, отправится провонать Чмутину...

КАЖДЫЙ спектакль волжан показывает крупным планом одного-двух или нескольких актеров. В «Зыновках», поставленных П. Моисастарским, это Николай Михеев — Антипа, Наталья Радолницкая — Софья, Михаил Лазарев — Муратов, Олег Бычков — Михаил, Иван Морозов — Шохин; в «проходной» роли Тараканова (сколько ни приходилось смотреть «Зыновки» в разных театрах, не припоминается ни эта роль, ни ее исполнитель) Н. Кузьмин ничуть не «концертно», но явно, мягко и бережно рассказал о чудачестве философа, все выходящем, все непонимающем и отключающемся душою на беду...

В «Зыновках» неожиданно вышла на первый план любовь. Обреченная, безответная, бесплодная, но — любовь. Разбуженная в трезвом дельце Антипе Зыкове чувства, доселе и не предполагаемые у него ни им самим, ни его близкими. И

неделимость, цельность воплощенного замысла. Иногда этому мешают погрешности вкуса — так случилось с мюзиклом «Пигмалион», где, указав в афише на использование фрагментов Лоу, театр использовал и... фрагменты самого мюзикла «Моя прекрасная леди», безжалостно подменяя иногда даже диалоги Бернарда Шоу. Может быть, если бы театру удалось это сделать со вкусом, кто знает, ...может быть, это не вызвало бы такого активного внутреннего протеста; как говорится, победителя не судят. Но — победителей нет. В афише объявлен Шоу, а на сцене царит, простите за невольный каламбур, Лоу.

И снова используется все тот же трюк — пение под фонограмму; здесь он не контрастно открыт: микрофоны с обрезающими шнурами. Электроника в стилистике не могла не отразиться на смысле спектакля: Ж. Романченко, актриса ярко талантливая, всегда точно чувствующая узыльный вес своих ролей в спектакле, проживающая их с сердечной горячностью, которая не исключает трезвого взгляда как бы со стороны, — здесь, кажется, растерялась. Первую часть — Элиза-цветочница — она играет с подлинным опереточным «апломбом». Элиза отплясывает, распевает во все горло, изычно неуклюжая девочка из трущоб, умная, острая и мелкая. Финал пропущен по накатанной дорожке «красивых страданий», кажется: строптивый Шоу, хлопнув дверью, оставил сцену для Лоу.

Жаина Романченко в «Бешеных деньгах» — своеобразная красавица Лидия Чебокарова, уверенная в своем

то в нем разбилось драгоценное, пропало доверие, и он этого не забудет, отложит не одну косточку на своих дребезжащих канцелярских счетах... И опять хочется говорить о Н. Михееве — вулканическом Мучимове, взрывающемся праведным негодованием, обуздаемом истинными страстями, которыми не хватает малости — истинности.

И об эгзистенциальном безделье Телятева (О. Свиридов), и о талантливом Егоре Дмитрие Глушове (В. Борисов). «Я их знаю всех наперсчета», — протяжно произнесет он и туманно взглянет вдаль... И, барствено вытянув длинные ноги, задумчиво вытрет гусиное перышко о шляпу своего приятеля-соперника...

А как мила и мечтательна Левша — Борисов. Он весь в фантазиях и грезах, нездешний, совсем не былинный богатырь, тощий, складный, витающий мысленно где-то далеко. Художник... Прелестьная Маиска (Л. Альбицкая) недаром без ума от него — хороши... И веселый, громкий (даже чересчур громкий) спектакль — о судьбе художника. И о его гибели. И о бессмертии. В этом смысле «Левши» у волжан.

ВОТ ТАК и прожит месяц гастролей куйбышевского театра: восхищаться — какой прекрасный театр; сожалеть: зачем «Левша» «по мотивам» и «Пигмалион» — «по мотивам», зачем громко поют, если не все умеют, зачем в хорошие пьесы вставляются самодельные вприски; почему порой декорации — «среднеарифметические». И еще множество «зачем?». А потом снова: какой театр, какой режиссер, какие актеры...